

Цена номера 5 копеек.

РЕДАКЦИЯ — Москва, Тверской бул., 25, Дом Герцена. Тел 5-50-85
Прием в секретариате редакции ежедневно от 2 до 4 ч

ИЗДАТЕЛЬСТВО — Акц. Изд. О-во „Огонек“, Москва, 6, Страстной
бульвар, № 11. Телефон 5-51-69.

МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — Тверская, 37, (уг. М. Гнездииковского).
Телефон 1-28-19 и 1-28-20.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

С 1 мая до конца года — 1 руб. 50 коп., на 6 мес. — 1 руб. 20 коп.,
на 3 мес. — 60 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 13. Понедельник, 15 июля 1929 г.

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей.

ОПТИМИЗМ ЧЕХОВА

Отсутствие определенного философского мировоззрения Чехов, как мы знаем, воспринимал остро, болезненно («осмысленная жизнь», — писал он в одном письме, — без определенного мировоззрения — не жизнь, а тягота, ужас»), но отсутствующее мировоззрение ему в значительной степени заменяло мироощущение. Это был глубоко-жизнерадостный человек, относившийся к жизни с ненасытным, жадным и активным интересом. Мир его восприятий был необычайно обширен, жизнь раскрывалась перед ним с щедростью, о какой средний человек даже не мечтает.

Здесь мы не пытаемся даже приблизительно и схематически очертить диапазон чеховских восприятий, это — предмет специальной и обширной темы. Ограничимся лишь указанием на два обстоятельства: во-первых, на много-сторонность и разнообразие его впечатлений, во-вторых, — на их глубину, их интенсивность. Трудно назвать, с одной стороны, такую область жизни, которая не заключала бы в себе интереса для Чехова. С другой стороны, только дети, да и то лишь в определенном круге явлений, так свежо воспринимают впечатления, как их воспринимал Чехов: прочтите его письма не только из таких мест, где он наблюдал новые формы жизни, значительные произведения искусства или захватывающие пейзажи, — описания Венеции, заката в Бенгальском заливе, Байкала и т. п., но где перед ним была самая простая жизнь с самой обычной природой, — какой-нибудь Песел с рыбной ловлей, Бабино и т. п., — и вы уловите тот характерный тон детской свежести, какой бывает, когда «новы все впечатленья бытия».

Словно мальчик, которому предстоит неиспытанное еще наслаждение прокатиться в автомобиле, Чехов под-ряд в нескольких письмах сообщает из-за границы, что поедет домой в поезде-молния; как ребенок, вернувшийся с детского спектакля, он рассказывает, что «в театре на сцене — в гостиной ходила собака», сообщает о новом модном галстуке, который он купил и носит, о новом костюме, пальто, — о всем таком, о чем редко пишут своим родным пи-

сатели, профессионально отвыкшие принимать в свой личный багаж впечатлений всю эту пестроту простейших и невидных фактов...

Жизнь катилась перед ним не сплошной обезличенной лентой, а потоком дифференцированных, отчетливых, ярких впечатлений, таких свежих, таких интересных, таких непривычных при всей своей обыденности. И нет ни одного человека, который, мало-мальски близко зная Чехова, не удивлялся бы его репутации пессимиста, которая в силу разных причин по недоразумению за ним укрепилась. «В основе его натуры лежала жизнерадостность», — заявляет Бунин. А Станиславский прямо указывает: «Антон Павлович был самым большим оптимистом, какого мне только приходилось видеть». Сам Чехов категорически заявлял о себе: «Я — человек жизнерадостный» (в письме к Л. А. Авиловой в 1897 г.).

Откуда же эта репутация пессимиста и нытика, утвердившаяся на долгие годы за Чеховым и сопровождающая его имя до наших дней?

Как ни звучит это парадоксально, но «пессимизм» Чехова — не более как обратная сторона его жизнерадостности, обусловлен тменно ею. В указанном письме к Авиловой он замечает: «Вы сетуете, что герои мои мрачны. Увы, не моя в том вина! У меня выходит это невольно, и когда я пишу, то мне не кажется, что я пишу мрачно; во всяком случае работая, я всегда бываю в хорошем настроении. Замечено, что мрачные люди, меланхолики пишут всегда весело, а жизнерадостные своими писаниями нагоняют тоску».

Не в столь, быть может, универсальном виде, — наблюдение Чехова верно. Оно во всяком случае верно в отношении его самого: та печаль, та тоска, та грусть, те мрачные тени, которые характеризуют его художественное творчество (особенно с конца 80-х годов) и которые в сумме своей укрепили за Чеховым кличку нытика, пессимиста, певца хмурых людей и т. п., — ведь они и порождены его жизнерадостностью, его любовью к жизни, его утверждением жизни, его стремлением видеть жизнь такую, какою она достойна быть.

Отношение Чехова к жизни точнее

всего формулировано в словах одного из наиболее близких ему по духу героев, — доктора Астрова, который на вопрос, доволен ли он жизнью, отвечает: «Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю ее всеми силами моей души». Это и очень точно и совершенно ясно. Здесь «люблю» и «терпеть не могу» не просто стоят рядом, но внутренне неразрывно связаны; потому-то Астров-Чехов терпеть не может и презирает постылую русскую обывательскую жизнь, что он вообще жизнь любит: ведь эта обывательская жизнь — не более, как карикатурное искажение жизни, ее уродливое извращение, и вполне естественно, что он тем печальнее и тем мрачнее изображает ее постылое обличье, чем сильнее любит ее живое ядро.

Встречая в критике эту кличку «нытик», Чехов раздражался и в свою «Записную книжку» занес: «Теперь, когда порядочный рабочий человек относится критически к себе и своему делу, то ему говорят: нытик, бездельник, скучающий; когда же праздный пройдоха кричит, что надо дело делать, то ему аплодируют».

Эта запись заслуживает самого пристального внимания исследователей Чехова, ибо в ней речь идет не только о нем и о его критиках, обвинявших его в пессимизме, но и гораздо шире: о двух типах героев чеховских произведений. Кто эти герои? Первые это — доктора Астровы, вторые это — профессор Серебряковы (в «Дяде Ване» бездельник профессор Серебряков буквально с такими словами обращается к полному творческой энергии и потому вечно неудовлетворенному Астрову: «Надо дело делать!»). В нашей критике теперь нередки противопоставления Чехова — Астровым. Критики, даже склонные великодушно реабилитировать Чехова и снять с него титул нытика и пессимиста, тем усерднее тешатся отделить его от типа Астрова, удерживая за последним эти горестные наименования. Чехов категорически заявляет, что это не так, но что как-раз наоборот: критическое отношение к себе, неразрывное с сомнениями и недовольством собой, и есть характерный признак «порядочного рабочего человека», т. е. человека, относящегося к жизни творчески, серьезно. Чехов твердо берет Астрова под свою защиту.

Столь же автобиографична и характерна другая его запись в книжке: «Если хочешь стать оптимистом и понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вникай». Здесь тот же призыв к творческой самостоятельности, без которой жизнь превращается в совокупность механически повторяемых косных обычаев, тускнеет и утрачивает интерес. Но самостоятельное творчество неразлучно с самокритикой и с сомнениями, которые в глазах поверхностных людей являются признаками нытика и пессимиста.

Этим мы хотим сказать, что титул нытика столь же несправедлив и близорук по отношению ко многим героям Чехова, как и к нему самому. С полной ясностью это явствует не только из приведенных выше записей, но также из ряда страниц его произведений. Вспомним хотя бы препаратора Петра Игнатьевича из «Скучной истории», этого «бесталанного человека», «ученого тупицы», по определению его ангипода, старого профессора. Как узка, ограничена и бедна для него жизнь! «Кажется, залой у него под самым ухом Игити, напади на Россию полчища китайцев, случись землетрясение, он не пошевелился ни одним членом и преспокойно будет смотреть прищуренным глазом в свой микроскоп. Одним словом, до Гекубы ему нет никакого дела» *).

Гамлетовская Гекуба упомянута здесь не случайно: Петр Игнатьевич лишен малейшей доли гамлетизма, творческого сомнения, — это в глазах Чехова признак бесплодной души. Вот дальнейшая его характеристика: «фанатическая вера в непогрешимость науки и, главным образом, всего того, что пишут немцы. Он уверен в самом себе, в своих препаратах, знает цель жизни и совершенно не знаком с сомнениями и разочарованиями, от которых седеют таланты. Рабское поклонение авторитетам и отсутствие потребности самостоятельно мыслить». Казалось бы, — вот уж полная противоположность «нытикам» и «гамлетам», идеал человека! Но в глазах Чехова это — мертвая бездарность, основа того, что в жизни всего страшнее, основа косности. Чехов, не колеблясь, предпочтет ему не только Астрова, но и Лаевского, и Иванова.

А. Дерман.

*) Подчеркнуто нами. А. Д.